

На правах рукописи

УДК 168.522

Мельников Илья Андреевич

**СОЦИОКУЛЬТУРНЫЕ ТРАНСФОРМАЦИИ
МЕНТАЛЬНОСТИ НОВГОРОДСКОГО СТАРООБРЯДЧЕСТВА**

Специальность 24.00.01 – теория и история культуры
(культурология)

Автореферат

диссертации на соискание ученой степени
кандидата культурологии

Санкт-Петербург – 2015

Работа выполнена на кафедре теории, истории и философии культуры Федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего профессионального образования «Новгородский государственный университет имени Ярослава Мудрого».

Научный руководитель:

доктор философских наук, доцент, профессор кафедры теории, истории и философии культуры Федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего профессионального образования «Новгородский государственный университет имени Ярослава Мудрого»

Маленко Сергей Анатольевич.

Официальные оппоненты:

Доктор исторических наук, доцент, профессор кафедры индустрии досуга и экскурсоведения Федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего профессионального образования «Санкт-Петербургский государственный экономический университет»

Васильев Михаил Иванович

Доктор философских наук, доцент кафедры музейного дела и охраны памятников Федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего профессионального образования «Санкт-Петербургский государственный университет»

Маковецкий Евгений Анатольевич;

Ведущая организация:

Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего профессионального образования «Сибирский федеральный университет»

Защита состоится 13 апреля 2015 года в 17 часов на заседании Совета по защите диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук Д 212.199.04, созданного на базе Российского государственного педагогического университета им. А.И.Герцена, по адресу: 197046, г. Санкт-Петербург, ул. Малая Посадская, д. 26, ауд. 317.

С диссертацией можно ознакомиться в фундаментальной библиотеке Российского государственного педагогического университета им. А.И.Герцена (191186, г. Санкт-Петербург, наб. р. Мойки, 48, корп.5) и на сайте университета по адресу:

http://disser.herzen.spb.ru/Preview/Karta/karta_000000168

Автореферат разослан 3 февраля 2015 г.

Ученый секретарь
диссертационного совета

Сапанжа Ольга Сергеевна

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

Актуальность исследования. Проблема перехода от традиционного мировоззрения к рациональному занимает достаточно важное место в общей культурно-исторической проблематике. Особенно актуальной эта проблема становится при исследовании русской культуры, в которой вопрос соотношения традиций и новаций неоднократно остро вставал в различные периоды истории. В настоящее время значимость традиционных установок в культурных практиках современной России также привлекает к себе внимание философов, культурологов и социологов. В частности, с различных позиций оценивается такое явление современной российской действительности, как «новая религиозность» и обращение к культурным практикам, так или иначе связанным с полем религии.

Религиозное мировоззрение, в своей основе опирающееся на ментальность, в большинстве случаев является носителем традиционных ценностных установок. Однако, не следует исключать и некую трансформацию, которую оно может претерпевать под воздействием обще-культурных и социальных изменений в обществе. В данном случае перед религией встает неизменный выбор способов реакции на наступление секулярного мировоззрения.

В России культурная секуляризация фактически дала о себе знать в XVI столетии, в связи с укреплением абсолютизма. Первое же открытое столкновение традиционного и секулярного мировоззрения относится к периоду церковных реформ патриарха Никона и церковного раскола сер. XVII в. Старообрядчество, первоначально выбравшее способ реакции на это столкновение, охарактеризованный П. Бергером как «дедуктивный» (с опорой на незыблемый авторитет традиции, “Deus Dixit”), на практике вынуждено было смягчить подобную жесткую позицию. Это, в свою очередь, породило своеобразные ментальные характеристики, характерные для старообрядческой культуры, а также способствовало трансформации в ней некоторых культурных практик, известных русской христианской религиозности до раскола.

Именно поэтому в настоящее время наметился интерес к исследованию старообрядчества не только с позиций описательной истории и археологии, но и с позиций культурологии, истории ментальности, социологии и философии религии, а также других гуманитарных дисциплин. Немаловажную роль в этом процессе играет изучение региональных старообрядческих общностей, что позволяет привлечь к исследованию значительный массив незадействованного до этого фактического материала.

Одним из значимых центров российского старообрядчества с первых лет раскола являлся Новгород и новгородские земли. Именно в отдаленных регионах «новгородских пределов» подвизались многочисленные старообрядческие проповедники, а «новгородский контекст» присутствует так или

иначе в большинстве старообрядческих сочинений. На территории новгородских земель возникли такие крупные очаги сопротивления реформам Никона, как Соловецкий монастырь, Выговская пустынь, Крестецкий Ям, ставший родиной «федосеевского» согласия. Эти центры по уровню своего влияния вышли далеко за региональные пределы, и приобрели общестарообрядческое значение, причем как в России, так и за ее рубежом. Таким образом, исследование трансформации ментальных характеристик новгородских староверов даст рельефную и показательную картину общестарообрядческой религиозности и одновременно позволит выделить ее отличительные черты в Северо-Западном регионе.

Объектом исследования выступают ментальные традиции старообрядчества в российской культуре.

Предметом исследования являются социокультурные трансформации ментальных традиций на примере новгородского старообрядчества.

Целью настоящего исследования является выявление ментальных оснований трансформации ценностей и культурных практик старообрядцев-беспоповцев.

Поставленной цели соответствуют следующие задачи:

- определить сущность взаимодействия ментальных характеристик и религиозной традиции;
- выделить основные социокультурные предпосылки возникновения церковного раскола;
- определить основные ментальные категории старообрядческого вероучения и выявить их связь с различными уровнями ментальности;
- выделить социокультурные и ментальные особенности региональной общности новгородских старообрядцев;
- показать изменение восприятия традиционного авторитета власти в ментальности новгородского старообрядчества;
- осветить социокультурные основания формирования ценностей права и закона в новгородской старообрядческой ментальности;
- выявить роль «книжной» культуры и книжности как основополагающего фактора формирования новгородской старообрядческой ментальности;
- показать непосредственную связь радикально-эсхатологического учения новгородских староверов и обоснований деперсонифицированного авторитета «священных писаний»;
- выявить механизмы формирования институтов, транслирующих книжное знание (наставничество, начетничество) и оснований их авторитета в новгородской старообрядческой ментальной традиции;
- раскрыть влияние эсхатологических концепций христианства на развитие специфики исторической памяти новгородского старообрядчества.

Степень разработанности темы. При изучении культуры новгородского старообрядчества необходимо учитывать широкий комплекс исследований, в которых освещается, во-первых, место религии в мировой культуре, а также соответствующие практики, в которых выражается религиозная ментальность; во-вторых, культурно-исторические характеристики феномена церковного раскола и старообрядчества, основополагающие аксиологические категории старообрядческой религиозной парадигмы и ее религиозно-философские основы; в-третьих, исторические, археографические, этнологические аспекты развития региональных центров староверия, в том числе и старообрядческого движения на территории нынешней Новгородской области.

Роль и место религии при переходе от традиционного общества к рациональному, специфика культурных практик поля религии и их связь с коллективными представлениями освещается в работах ведущих западных культурологов и социологов (Э. Дюркгейма, Г. Зиммеля, М. Вебера, П. Бурдьё, П. Бергера, Н. Элиаса, К. Леви-Стросса, К. Г. Юнга, Э. Фромма, С. Московичи). Проблема ментальности и ее связь с культурой повседневности является ключевой в исследованиях представителей «школы Анналов» (Л. Февр, М. Блок). Национальная русская ментальность получила свое отражение в трудах отечественных философов и культурологов различных направлений (П. Я. Чаадаева, Н. Я. Данилевского, Н. А. Бердяева, Г. П. Федотова, Н. О. Лосского, Н. С. Розова).

Религиозно-философские основы собственно христианской ментальности, лежащей в основе старообрядческой религиозности, рассматриваются в основополагающих трудах отцов Восточной и Западной церкви (Иоанн Дамаскин, Феодорит Кирский и др.), а также работах Л. А. Тихомирова, В. В. Зеньковского. Роль «духовных упражнений» и практик христианства, унаследованных от античности и нашедших свое воспроизведение в старообрядческой культуре, освещается в работе П. Адо. Особенности средневековой христианской религиозной ментальности, изначально являвшейся истоком старообрядчества, рассматриваются в работах С. С. Аверинцева, А. Я. Гуревича, Г. Г. Литаврина, Д. С. Лихачева.

Историко-культурные предпосылки церковного раскола в России, а также общие мировоззренческие и ментальные характеристики старообрядческого движения освещены в работах Н. Ф. Каптерева, С. А. Зеньковского, А. М. Панченко, И. А. Кириллова, В. П. Рябушинского. История старообрядческого движения и характеристики старообрядческих согласий с миссионерской точки зрения содержатся в работах П. С. Смирнова и И. Ф. Нильского. М. О. Шахов в своих работах исследует религиозно-философские основы старообрядчества, идеологические основы взаимодействия староверия и власти. Социологический подход к исследованию общественных и экономических институтов старообрядчества содержится в работах В. В. Керова, Д. Е. Раскова. Значительный вклад в изучение старообрядчества как соци-

ального явления, внесли дореволюционные исследователи-«народники» В. С. Пругавин и А. П. Щапов. С позиций классовой марксистской теории явление старообрядчества рассматривается в работах А. Катунского и А. И. Клибанова. Взаимоотношение старообрядчества и власти освещены в работе О. П. Ершовой. Место таких категорий старообрядческой ментальности, как «личность» и «община», а также роль книги и книжности в культуре староверия освещается в ряде работ И. В. Поздеевой. Особенности отношения старообрядцев-беспоповцев к социальным институтам брака и гендерному аспекту развития староверия отводится важное место в работе И. Паерт.

На современном этапе развития изучения старообрядчества, как явления культуры, наблюдается возросший интерес к исследованию региональных староверческих общностей. Так, историко-археографическому описанию Выго-Лексинского общежительства, как одного из ведущих старообрядческих центров, посвящены фундаментальные труды Е. М. Юхименко, Р. Крамми. Американский исследователь Р. Дуглас концентрирует свое внимание на судьбе старообрядцев Верхокамья в советский и постсоветский период, М. В. Кочергина в своих работах обращается к региональной истории старообрядцев Ветки и Стародубья. Исследование В. Никонова посвящено истории старообрядческих общин Латгалии (восточная Латвия), заселенной выходцами из новгородско-псковских земель.

Интерес к региональной специфике старообрядческой культуры в свою очередь породил исследования локальных фольклорных и этнографических особенностей, присущих старообрядческой культуре тех или иных регионов (А. А. Чювьев, Н. Морозова).

Новгородский регион, бывший одним из центров старообрядчества Северо-Запада, попал в поле зрения исследователей недавно. При этом следует отметить, что исследования, касающиеся новгородского старообрядчества, как правило, носят узко-специальный характер, в основном этнографической направленности. Выявление особенностей функционирования этно-конфессиональной общности тихвинских карел-старообрядцев содержится в работе М. О. Фишман. Ритуальные и бытовые аспекты «культуры повседневности» новгородских староверов раскрываются в монографии Т. А. Воскресенской. В статье А. Б. Островского освещаются этно-локальные характеристики взаимоотношения староверов и «мирских» на примере Маловишерского и Крестецкого районов, а М. К. Бурьяк описывает фольклорные традиции старообрядцев Пестовского района.

Истории новгородского старообрядчества начиная с XVII в. отводится значительное место в ставших классическими трудах упоминавшихся С. А. Зеньковского и Н. Ф. Каптерева. В работе С. Фенченко описывается «сыск» новгородских староверов 1682 – 1684 гг. Статья Н. С. Федорук содержит историко-статистический очерк о старообрядцах Новгородской губернии в XIX в., а в работе В. В. Шамарина впервые была предпринята попытка дать общую характеристику основным старообрядческим центрам Новгородской

области. Истории старообрядчества пограничных районов Новгородской и Ленинградской областей в XIX в. посвящены статьи Л. В. Корольковой. А. А. Безгоднов в своей работе обращается к истории организации старообрядческих общин Новгородской области в кон. XX в.

Таким образом, исследование ментальных характеристик региональной общности новгородских староверов является первой в своем роде попыткой синтезировать общекультурологические знания по данному предмету и историко-культурные данные, содержащиеся в работах, посвященных старообрядческой регионалистике.

Источниковую базу исследования составляют статистические сведения о старообрядцах, материалы уголовного и церковного делопроизводства XIX – XX вв., указы, касающиеся старообрядчества, прошения и обращения старообрядцев в официальные органы власти, которые находятся в составе Российского Государственного Исторического Архива (РГИА), в том числе в его фондах: Департамента Общих дел Министерства Уголовных Дел (Ф. 1284), Александро-Невской Лавры (Ф. 815), Канцелярии Синода (Ф. 796); в составе Государственного Архива Новгородской Области (ГАНО), в том числе в его фондах: Новгородской Духовной Консистории (Ф. 480), Канцелярии Новгородского Губернатора (Ф. 138), Помощника благочинного Уделов пахотных солдат (Ф. 507), Крестецкого уездного Полицейского Управления (Ф. 127), В. С. Передольского (Ф. 717), Крестецкого Волостного Исполнительного Комитета (Ф. Р-40), Высоковского Волостного Исполнительного Комитета (Ф. Р-268), Уполномоченного по делам религий по Новгородской области (Ф. Р-4110).

Также в качестве ценных источников по истории и культуре новгородского староверия нами использовались сочинения старообрядческих авторов XVIII – XX вв., некоторые из которых жили и творили в Новгороде и на его землях, рукописные и старопечатные книги, хранящиеся в собраниях Новгородской Старообрядческой Поморской Общины (НСПО), а также Отделе Письменных Источников Новгородского Объединенного Музея-Заповедника (ОПИ НГОМЗ).

Кроме того, при исследовании социокультурных особенностей развития локальных старообрядческих обществ на территории Новгородской области сер. XX – нач. XXI вв. нами использовались полевые материалы, которые были собраны в ходе этнокультурологических экспедиций Новгородского государственного университета имени Ярослава Мудрого в Валдайский, Маловишерский, Окуловский и Солецкий районы Новгородской области, а также в г. Великий Новгород (2007 – 2014 гг.).

Научная новизна исследования и положения, выносимые на защиту. В рамках работы:

- впервые процессы трансформации ментальности внутри религиозной общности рассматриваются на примере региональной истории новгородского старообрядчества, специфика которого заключается в

распространении на территории этого региона радикальных старообрядческих согласий (федосеевцев и филипповцев) и, при этом, близость духовных центров новгородского староверия к обеим столицам (Санкт-Петербург и Москва);

- возникновение наставничества и начетничества рассматривается как результат функциональной необходимости в институционализации сословия трансляторов книжного знания в замкнутой религиозной общности, выполняющего как религиозные, общественные, так и ментальные задачи;
- основой авторитета института наставничества служит, с одной стороны, знание свода церковных правил и предписаний, с другой стороны – личная харизма, покоящаяся на традиционных ментальных основаниях личного авторитета, носителя сакральных знаний;
- освещается роль межконфессиональной полемики в становлении необходимых институтов трансляторов книжного знания и традиционного авторитета, в частности, выработки системы старообрядческой апологетики, предполагавшей наличие узко специализированных начетчиков, в совершенстве владевших полемической культурой;
- выявляется место ценностей свободы и равноправия, сформировавшихся в старообрядческой ментальности под влиянием социокультурных оснований развития старообрядческого движения;
- раскрывается роль эсхатологических представлений старообрядцев в формировании специфики исторической памяти этой религиозно-культурной общности, рассматривающей мировую историю как последовательность «отпадений от веры», а современность – как «последние времена мира», что в свою очередь является выражением коллективных представлений об «авторитете отцов» и идеализацией прошлого;
- обосновывается взаимосвязь старообрядческой конфессиональной этики и трансформации верхних уровней ментальности новгородских крестьян в их отношении к авторитету государственной власти, общины и личности, характерными чертами которого были десакрализация института власти, замена ее сакральных функций общиной и индивидуализация сохранения и поддержания традиции;
- определяется влияние глубинных ментальных оснований на изменения в развитии радикально-эсхатологических концепций старообрядцев-беспоповцев, пришедших к более традиционному персонафицированному пониманию авторитета, а также к поиску компромисса с окружающим общественным порядком;
- доказывается ключевая роль книжной культуры в рационализации культурных практик новгородских старообрядцев, проявлявшейся на раннем этапе развития старообрядчества в установлении

неперсонифицированного, исключительного авторитета «священных текстов», понимания и принятия индивидуального выбора веры на основе исследования кодифицированной религиозной доктрины, апологетике, находивших выражение в феномене старообрядческой религиозной полемики и внутриобщинном образовании.

Теоретическую и методологическую основу исследования составляют научные разработки в области культурологии, культурной антропологии, истории и социологии религии, религиозно-философские исследования, в которых раскрываются особенности феномена христианской и старообрядческой ментальности. В целом основные методы можно свести к следующим:

- феноменологический метод, позволяющий исследовать старообрядческую культуру, как единое целое с выработанными в ней самой системой взглядов и культурных практик;
- социологический, применение которого выявляет социокультурные предпосылки и механизмы трансформации культурных практик в старообрядчестве;
- историко-сравнительный, позволяющий проследить включенность исследуемого объекта в общие социокультурные особенности развития окружающей среды, а также выявить взаимодействия с другими социальными полями.

Теоретическая значимость исследования

Теоретические и методологические положения, сформулированные в работе, могут быть использованы при культурологическом исследовании религиозной ментальности, роли и места рационализации культурных практик в общности, мировоззрение которой базируется на сугубо традиционных ценностных основаниях, являющихся выражением глубоко укорененных ментальных констант. Также в диссертации содержатся выводы, способствующие выявлению механизмов взаимодействия подобной общности с социокультурной средой.

Практическая значимость исследования.

Выводы, предложенные в диссертации, могут способствовать осмыслению конфессиональной и культурной неоднородности российского государства, как закономерного явления и специфической особенности русской культуры, что, в свою очередь, может послужить основой к конструктивному взаимодействию между различными конфессиональными, этническими и этноконфессиональными общностями в рамках гражданского общества. Выводы, касающиеся культурной самобытности и ментальных характеристик старообрядчества Новгородской области, могут быть полезны в осмыслении общественного потенциала староверия в жизни современного гражданского общества.

Кроме того, материалы диссертации могут быть использованы при составлении курсов лекций по культуре Северо-Запада, методических пособий,

практических занятий и культурно-развивающих программ. Положения, выдвинутые в работе, также могут быть полезны в разработке региональных культурных индустрий, ориентированных на сохранение и репрезентацию традиционной культуры Новгородского региона.

Апробация работы. Основные положения диссертации изложены в публикациях, а также представлены в виде докладов на XIV научной конференции преподавателей, аспирантов и студентов НовГУ (ГИ НовГУ, апрель 2007), XV научной конференции преподавателей, аспирантов и студентов НовГУ (ИГУМ НовГУ, апрель 2008), XVI научной конференции преподавателей, аспирантов и студентов НовГУ (ИГУМ НовГУ, апрель 2009), IX Международной научно-практической конференции "Старообрядчество: история, культура, современность" (Великий Новгород, сентябрь 2010), XVII научной конференции преподавателей, аспирантов и студентов НовГУ (ИГУМ НовГУ март-апрель 2010), V Международных Шёгреневских чтениях «Историко-культурный ландшафт Северо-Запада-2» (РЭМ, СПб, февраль – март 2011); XVIII научной конференции преподавателей, аспирантов и студентов НовГУ (ИГУМ НовГУ, апрель 2011); Всероссийской конференции «А мне глаголати неленостно...». Раскол и старообрядчество в современной рефлексии (Кострома, КГУ, апрель 2012); XIX научной конференции преподавателей, аспирантов и студентов НовГУ (ИГУМ НовГУ, апрель 2012 года); Международной научной конференции «Новгородика-2012. У истоков российской государственности» (Великий Новгород, сентябрь 2012); XX научной конференции преподавателей, аспирантов и студентов НовГУ (ИГУМ НовГУ, апрель 2013 года); научно-практической конференции «На рубеже культур: Тихвин в XVII столетии» (Тихвин, ТИМАХМ, сентябрь 2013); Всероссийской научной конференции «Бренное и вечное: имперский синдром: идеология, мифология и социокультурная практика» (ИГУМ НовГУ, декабрь 2013 года); XXI научной конференции преподавателей, аспирантов и студентов НовГУ (ИГУМ НовГУ, апрель 2014 года); научно-практической конференции «Пустозерск и Русская Арктика: история, культура, современность» (Нарьян-Мар, ГБУК «Историко-культурный и ландшафтный музей-заповедник «Пустозерск», сентябрь 2014).

Структура работы. Работа состоит из введения, двух глав, восьми параграфов, заключения, списка источников и литературы, а также приложений. Общий объем исследования 198 страниц, из них 187 страниц - основной текст работы, 11 страниц – приложения. Список литературы содержит 147 наименований, из них 5 на иностранном языке. Кроме того, в исследовании использованы неопубликованные источники архивного и рукописно-книжного происхождения.

ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ ДИССЕРТАЦИИ

Во **Введении** автор обосновывает актуальность темы, дает характеристику степени ее научной разработанности, а также определяет объект и предмет исследования, ставит цель и задачи, описывает источниковую базу, формулирует научную новизну. Отдельно выявляется теоретическая и практическая значимость работы, указывается ее апробация и излагается структура работы.

Первая глава «**Феномен старообрядчества в русской ментальности**» посвящена анализу феноменов ментальности и религиозной традиции, как основаниям культурной специфики старообрядчества.

В первом параграфе «*Ментальность и религиозная традиция в русской культуре*» содержится анализ основных исследовательских подходов в определении характера религиозной ментальности в контексте исследуемой нами проблематики старообрядческой религиозности. Это касается, прежде всего, соотношения таких понятий, как «ментальность» и «религия», влияние религиозной ментальности на формирование культурной идентичности, состав и характер культурных практик, взаимосвязь религии и национальных ментальных констант.

Ментальность, как диффузное явление, пронизывает собой культуру и находит непосредственное проявление в формах культурных практик. Она может испытывать на себе влияние различных форм идеологий, социокультурных изменений, и трансформироваться в течении определенного периода времени. В свою очередь, глубинные слои коллективных представлений трансформируются довольно медленно, что существенно способствует преломлению тех или иных теоретических и идеологических установок в коллективном сознании. Эти слова справедливы, прежде всего, по отношению к религиозным теоретико-богословским концепциям.

Религия сама по себе накладывает серьезный отпечаток на коллективное мировосприятие, в том числе диктуя своим последователям тот или иной набор нравственных, эстетических и гносеологических норм и принципов. Отдельные религиозные направления существенно влияют на ментальность своих последователей, однако, сами религиозные ценности также подвержены искажению под воздействием коллективных представлений, сформированных в общественном сознании прочими социокультурными факторами.

Так как ментальные характеристики трансформируются довольно медленно, мы можем говорить о том, что, в зависимости от общенациональных ментальных установок на традицию или новации, традиционные религиозные ценности могут сохраняться довольно долго в коллективных представлениях современных обществ, в частности, российского. Старообрядчество, которое долгое время считали как неким «концентрированным» выразителем общерусских коллективных

представлений, так и совершенно особым культурным явлением, выбивающимся за рамки национальной ментальности, достаточно рельефно демонстрирует нам все противоречия соотношения религиозных и национальных ментальных традиций в процессе их трансформации в рамках общих социокультурных процессов общества нового времени.

Во втором параграфе *«Социокультурное значение церковного раскола XVII века для формирования старообрядческой ментальной традиции»* автор стремится выделить основные социокультурные предпосылки возникновения церковного раскола, определить основные категории старообрядческого вероучения и выявить их связь с различными уровнями ментальности. Кроме того, нами предпринимается попытка дать характеристику габитусу представителей старой веры и тем фреймам, которые характеризуют его соотнесенность с определенными габитусными гнездами.

Значительная часть русской интеллигенции в нач. XX в. полагала, что именно в церковном расколе коренятся истоки тех культурных изменений, которые происходили в русском обществе на протяжении всего XIX и, в особенности, в п. пол. XX столетия. Особенно ими подчеркивалась связь старообрядчества и русского революционного движения. В частности, Н. Бердяев полагал, что русские интеллигенты-революционеры унаследовали от «раскольников XVII века» «структуру души»¹. Такой же точки зрения придерживался Д. С. Мережковский. Свои взгляды на место церковного раскола в русской истории и культуре также высказывали такие мыслители, как В. С. Соловьев, В. В. Розанов, Г. П. Федотов, Н. С. Трубецкой и др.

Внутри самого старообрядческого движения основные концепции, с новой силой проступившие на горизонте русской религиозной мысли в XVII столетии, формировали социальное поведение, габитус его последователей. Этика старой веры оказывала непосредственное влияние на бытовую, хозяйственную и политическую жизнь значительной части русского населения. Многие идеи, провозглашенные уже в XVII в. вождями староверия, получили дальнейшее развитие и трансформацию в связи с особенностями общественной и культурной ситуации, в которую старообрядчество было поставлено в последующие века своего развития. Это касалось, прежде всего, вопросов эсхатологии, взаимоотношений с иерархической структурой официальной церкви и, как следствие, развитие гносеологических концепций, а именно проблематики авторитета и религиозной герменевтики. Дальнейшая разработка этих вопросов вылилась в разделение старообрядчества на различные направления, вариативно подходящие к трактовке перечисленных выше вопросов, что в итоге привело к возникновению таких старообрядческих течений, как поповство и беспоповство.

Итак, в результате раскола российской церкви в русской культуре XVII

¹ Бердяев Н. А. Истоки и смысл русского коммунизма. – Париж: YMCA-PRESS, 1955. С. 9.

в., с одной стороны, актуализировались и получили дальнейшее развитие концепции, ранее имевшиеся в средневековом православии. Это касалось общего отношения к значению обрядности и внешних проявлений (дел) веры, соотношения кесарева, мирского и сакрального начал в жизни христианского общества, вопроса о национальном элементе в православном вероучении. Также особенную актуальность приобретал эсхатологизм христианства, свойственный ему изначально, призыв к моральной чистоте и социально-нравственная критика господствующей иерархии, продиктованная полемическими потребностями.

В качестве основных предпосылок церковного раскола XVII в. мы можем выделить как собственно религиозные представления, сформировавшиеся в рамках восточно-христианской и русской традиций, такие как религиозно-философские понятия об «акривии», месте церковной обрядности в христианстве, эсхатологические чаяния, так и явления, принадлежащие сфере ментальности. Особенно в этой связи мы выделяем своеобразные понятия о соотношении власти, Церкви и общества, коллективной этике, авторитете отцов (предыдущих поколений), которые имеют глубокую ментальную укорененность в русском сознании. Также стоит отметить, что отношение старообрядцев к авторитету государства и церковной иерархии, а также восприятию «старой веры» как вселенского христианства, а не национальной особенности Русской Церкви, отрицание противниками Никоновских реформ монополии иерархии на сакральное знание, а государства – на религиозную самоидентификацию личности выходило за рамки традиционных взглядов на эти предметы.

Третий параграф *«Особенности социокультурной динамики духовных центров новгородского старообрядчества»* посвящен выявлению специфических особенностей региональной общности новгородских старообрядцев. В качестве основных критериев автор рассматривает социокультурную специфику развития Северо-Западного региона России, а также хозяйственно-экономическую составляющую жизни населения Новгородской земли. Эти критерии являются основополагающими факторами распространения определенных старообрядческих тенденций, в чем-то отличных, а в чем-то схожих с тенденциями старообрядчества других регионов.

Сопоставительный анализ данных за нач. XIX – нач. XX в. дает нам возможность увидеть развитие регионального старообрядческого центра в определенной социокультурной динамике. Новгородское старообрядчество прошло путь от вполне радикальных позиций федосеевского согласия к более традиционным ментальным установкам брачного поморского направления. Это было вызвано такими социокультурными предпосылками, как закрытие и ограничение деятельности городских старообрядческих общин, усиленное преследование властями радикальных федосеевских и филипповских согласий и последовавшее за этим изменение социального состава старообрядческих общин.

Если в нач. XIX в. крупные старообрядческие центры сосредотачивались в больших ямских и промышленных селах, особым влиянием пользовались городские общины, то к нач. XX в. деятельность старообрядческих обществ больше переместилась на периферию, став практически исключительно достоянием сельского населения. Прекращение гонений в нач. XX в. также повлияло на трансформацию ментальных традиций новгородского старообрядчества. В результате подобных социокультурных изменений на ментальном уровне в старообрядческой среде наметилось снижение радикализма и осознания собственной исключительности, окончательно установились в значительном количестве общин такие оформленные традиционные по своему характеру институты, как брак и наставничество, а в некоторых случаях – священство.

Социокультурные процессы XX в. еще более усилили традиционалистские тенденции в новгородском старообрядчестве, что объясняется массовым отходом молодого поколения от религии в результате культурных, политических и экономических изменений прошлого и нынешнего столетий. Большая часть традиционных носителей старой веры в XX в. – пожилые люди, ментально ориентированные скорее на традиционное воспроизведение и сохранение веры предков, нежели на ее развитие и продолжение.

Во второй главе диссертации **«Государство, община и личность в системе ментальных ценностей новгородских старообрядцев»** рассматриваются основные ценности старообрядческой ментальности и механизмы воспроизводства традиции в меняющихся социокультурных условиях.

Первый параграф **«Общинная ментальность в отношениях власти и новгородского старообрядчества в XIX – XX вв.»** посвящен анализу трансформации восприятия авторитета власти новгородскими староверами по сравнению с традиционными представлениями в сторону рационализации. Этому способствовали как внешние социокультурные основания, развитие идей империи на российской почве, так и такая ментальная константа русской культуры, как отстраненность власти и общества, восприятие власти, как чего-то «внешнего».

Специфика социокультурных обстоятельств, в которых вынуждено было существовать старообрядчество, а также определенные ценностные установки этики старой веры послужили толчком к выработке своеобразных механизмов взаимодействия старообрядческих общин и властей различных административных уровней. Характер этого взаимодействия обуславливался политическими и идеологическими компонентами, в то или иное время бравшимися на вооружение властными управленческими структурами. Однако, основой отношений как царской, так и советской власти и староверов было насаждение первыми имперских идей превалирования общегосударственного блага над индивидуальными убеждениями, и, при этом, последовательное неприятие последними и критика с религиозных

позиций этих идей.

Переосмыслению ценности власти и новая расстановка акцентов в отношениях с десакрализованным государством способствовала, в основном, радикальная эсхатология большинства старообрядческих направлений, получивших свое распространение на территории Новгородской губернии. Разрыв между старообрядческой общиной и государством также можно понимать в свете общих ментальных особенностей русской культуры, в которой отчуждение от властных институтов отмечается в качестве отличительной черты многими исследователями¹. Следуя типологии, предложенной Н. С. Розовым, в отношении к государственным институтам старообрядцев возможно отнести к таким гнездам габитусов, как гнездо недовольных и гнездо подвижников, с ярко выраженным тяготением к самобытности и радикализму².

Однако, отмечая общую ориентацию старообрядчества на сохранение традиционных русских ментальных традиций, стоит особенно отметить, что, попав под воздействие общих социокультурных изменений и будучи изначально в значительной степени радикализованной, старообрядческая религиозная общность была вынуждена трансформировать некоторые религиозные ментальные установки, что не могло не сказаться на изменении верхних слоев ментальности. Наиболее отчетливо это проявлялось в рационализации культурных практик старообрядцев в их взаимоотношениях с властью и миром, что вылилось в осознание ценности прав и индивидуальной свободы, которое включало в себя как традиционные, так и рационально-новаторские элементы. Именно посредством рационализации новгородские старообрядцы получили возможность придать своей ментальности современную институциональную форму, что обеспечило признание старообрядцев в качестве значимого субъекта социокультурной жизни.

Во втором параграфе *«Право и закон в рационализации культурных традиций новгородского старообрядчества в XIX – XX вв»* автор выявляет специфику понимания ценностей права и свободы, а также трансформацию этого понимания в старообрядческой ментальности.

Отношение к ценности права и закона в коллективном сознании новгородских старообрядцев основывалось на традиционной христианской этике, лишавшей власть гонителей веры сакрального статуса и повелевавшей избегать исполнения законов, посягающих на чистоту вероучения. Традиционные ментальные установки нашли свое проявление в отсутствии попыток насильственной отмены законов, ограничивавших их в правах. То же касалось и традиционного идеализирования центральной власти в глазах

¹ Бердяев Н. А. Душа России. – Л.: Сказ, 1990. С. 6 – 7; Лосский Н. О. Характер русского народа // Философия и жизнь. – №2, 1991. С. 47 – 49.

² Розов Н. С. Динамическая концепция менталитета и изменчивое разнообразие российских габитусов // Идеи и идеалы. №1(3), т.1. 2010. – С. 74.

основной крестьянской массы староверов.

Несмотря на это, переосмысление роли властных институтов в рамках традиционных установок породило в среде староверия определенные отношения к ним, близкие к рациональным и научнообразным. Это касается и прагматичного отношения старообрядцев к обрядам господствовавшей церкви и многочисленных попыток новгородских староверов легализовать свою конфессию путем апелляции к действующему законодательству.

Наконец, в среде старообрядчества начинает формироваться сознание, ценностно ориентированное на равноправие всех людей, не зависимо от конфессиональной принажности. Подобная мысль была абсолютно новой для традиционной ментальности и была продиктована специфическими социокультурными условиями, при которых лишь ее соблюдение могло гарантировать неприкосновенность самим исповедникам старой веры. Таким образом она проявлялась как общая ментальная компонента всех оппозиционных религиозных течений, требующих признания, так и появившиеся черты индивидуализации сознания наиболее активных зажиточных слоев старообрядческих обществ – городского, мещанского и сельского торгового населения, которое распространяло свое влияние на основную массу старообрядцев, в том числе и на территории Новгородской губернии, что особенно сильно проявлялось в п. пол. XIX в.

Обращает на себя внимание тот факт, что возникновение рациональных элементов в осмыслении ценности права никак не отразилось на традиционности исповедуемых староверами догматов христианства, в отличие от аналогичной рационализации правового мышления западной церкви и, особенно, протестантского движения, которое сопровождалось как общей рационализацией культа, так и отходом от ортодоксальных постулатов вероучения. Это свидетельствует о том, что некоторые элементы рационального мышления воспринимались староверами как средства, но не как цель поддержания традиционной православной ментальности.

Третий параграф *«Старообрядческая книжность как основание социокультурной идентичности»* посвящен выявлению непосредственного влияния радикально-эсхатологического учения староверов, конкретных социокультурных условий, с одной стороны, и рациональных обоснований деперсонифицированного авторитета «священных писаний» и «законоположений», вступавших в конфликт с традиционными религиозными ментальными основаниями, с другой. В итоге это привело к установлению авторитета «отче», «наставников», «книжников» и «книжниц».

Книжная культура, благодаря эсхатологизму старообрядческой ментальности, играла ключевую роль в жизни старообрядчества. Это было обусловлено как традиционными христианскими представлениями, воспринятыми от Византии, так и новыми социокультурными обстоятельствами, придававшими общению человека и священного текста особенное звучание. В связи с этим обращает на себя внимание состав

книжных собраний, которые, согласно приведенным источникам, во множестве включали в себя тексты эсхатологического содержания, развивавшие идеи пришествия в мир антихриста и ближайшего наступления конца света. Переживание «последних времен» ставило носителя христианского благочестия в отношении личной ответственности перед Богом, что делало книгу и сакральные тексты формально единственным носителем духовного авторитета. Это, в свою очередь, способствовало превращению книжности в индивидуализированную форму сохранения и поддержания ментальности и традиции.

Несмотря на присутствие явно индивидуальных черт в старообрядческой книжной культуре, стоит отметить, что основной ментальной компонентой, препятствовавшей отходу старообрядческой религиозности от ортодоксальных постулатов православного вероучения, являлось традиционно-общинное мировосприятие. Материалы, приведенные нами выше, свидетельствуют, что провести грань между «личным» и «общинным» книжным собранием зачастую достаточно сложно, так как библиотеки настоятелей, попечителей и рядовых членов общины могли одновременно считаться принадлежностью моленных и храмов, находившихся в их ведении. Тот же факт подтверждается обычной практикой перехода книг из частных рук в общину, и наоборот. Индивидуализация в восприятии сакральных текстов послужила основой к развитию своеобразной спекулятивной экзегетической традиции, имевшей свои истоки в средневековой мысли, но мало востребованной в свое время на Руси. Однако, она была сильно ограничена традицией и общинным сознанием на ментальном уровне. Если на ранней стадии развития старообрядческого движения книга, как свод кодифицированных правил (канонов) выступала деперсонифицированным носителем традиции, то со временем право трансляции и интерпретации книжного знания усваивают лидеры общины, авторитет и харизма которых основывается на знании «священных писаний». Особенно же эта тенденция проявилась во вт. пол. XIX в., когда в новгородском старообрядчестве окончательно оформился особый институт наставничества. Его институционализация, в свою очередь, не была бы возможна также без функциональной потребности общины в трансляторе книжного знания, способном не только осуществлять необходимые культовые действия, но и противостоять идеологическому натиску господствовавшей церкви, который не ограничивался мерами административного характера, но также проходил в русле миссионерской богословско-канонической полемики.

В четвертом параграфе *«Религиозный авторитет и книжное знание в культурном пространстве старообрядческой полемики»* автор рассматривает такие социокультурные условия, как необходимость ведения канонической полемики, апологетики и формирования прослойки грамотных служителей в качестве основных предпосылок трансформации отношения к церковному авторитету в старообрядческой ментальности от деперсонифи-

цированного авторитета «священных писаний» к авторитету «книжников» и «начетчиков», имевшему уже несколько иные ценностные основания.

В XVIII – XIX вв. дистанция между «книжной» культурой и представителями «непосвященных» сословий значительно сократилась, что было вызвано ожесточенной религиозной полемикой и потребностью серьезной апологетической защиты позиции противников новшеств в церковной жизни. Также эта потребность привела к качественно новому, доселе практически неизвестному в России, типу межконфессиональной полемики, нашедшему свое полное выражение в период кон. XIX – нач. XX вв. Полемическая практика не могла не породить в старообрядчестве ценностной ориентации на личность, так как в ведении полемики очень многое зависело от личностных характеристик интерпретатора книжного знания – помимо знания текстов, в расчет шла харизма, вовлеченность в деятельность общины, нравственный и духовный уровень транслятора вероучения.

Рационализация и последующая институционализация наставничества и начетничества в старообрядчестве происходила как благодаря функциональной потребности координации деятельности общин, воспроизведению традиционных культовых, духовных, образовательных и административных практик, так и имела под собой серьезные ментальные основания. К таковым можно отнести склонность традиционного мышления к созданию персонифицированного носителя авторитета, что в этике традиционного христианства выражалось в заповеди послушания наставникам. Традиционные ментальные установки большей массы старообрядческого населения переработали радикальные тезисы первоначального федосеевства, постулировавшего в значительной мере личную ответственность за сохранение веры перед Богом в «последние времена», переложив эту функцию на «отче», «батюшек» и «духовных наставников». Все эти черты присущи также культуре новгородских староверов-беспоповцев, что красноречиво иллюстрируют данные, приведенные в параграфе. Факты открытия нелегальных и легальных учебных заведений, деятельность староверческих проповедников и начетчиков, проведение многочисленных диспутов-собеседований, в том числе и по инициативе самих староверов, наконец, достаточно долгое сохранение сильной апологетической традиции в Новгородской области, выявляют роль потребности в профессиональном трансляторе книжного знания среди новгородских крестьян и мещан того времени в окончательной институционализации наставничества.

Пятый параграф *«Радикальный эсхатологизм в ментальности новгородских старообрядцев»* посвящен обоснованию, с одной стороны, связи эсхатологических концепций христианства, получивших наибольшее развитие в староверии, а также общих подходов в определении путей исторического развития с точки зрения этой религии, и, с другой стороны, традици-

онной ментальности, основывающейся на авторитете опыта предыдущих поколений.

Историческая память в старообрядческой традиции основана как на общих принципах религиозного мировоззрения, и, в частности, христианства, которое М. Блок называл религией преимущественно историчной, так и на ментальных характеристиках мышления средневековой Руси. В коллективной памяти старообрядцев зафиксированы ключевые моменты истории христианства вообще и русской истории в частности, в которых, по мнению староверов, метафизическая реальность непосредственно соприкасается с человеческим бытием. Исторический процесс понимается как череда таких событий, свидетельствующих о всемирном ходе истории. Для радикально-эсхатологического мышления старообрядцев эти события имеют непосредственное отношение к конечному пункту земной истории – концу света и Второму Пришествию Христа. С помощью такой интерпретации событий церковного раскола старообрядцами-беспопцами обосновывается отсутствие в современной церкви института священства и важнейших церковных таинств (причастия, священства, елеосвящения, в некоторых случаях – брака, и т. д.) Память о событиях древнерусской истории поддерживается как в силу традиционной связи старообрядчества с дониконовским православием, так и акцентируется в целях противопоставления «святой старины» никоновским «новинам». Таким образом, основанная на традиционной ментальности историческая память ценностно ориентирует верующих на исключительно положительные характеристики прошлого, при этом, радикализм противопоставления приводил старообрядцев к активной критике (в том числе и социальной) порядков современности. Восприятие будущего в старообрядческом историческом мышлении связано лишь с эсхатологическими ожиданиями конца истории. В связи с подчеркнута эсхатологическим восприятием современности, а также под воздействием преследований, укрепления секулярных тенденций в обществе и прочими социокультурными условиями, в старообрядческом коллективном сознании особенно актуализируется тема святых-мучеников, подчеркивается их духовное родство с «новыми всеизрядными страстотерпцами» (С. Денисов), пострадавшими от гонений никонианской церкви.

События более поздней истории старообрядчества также сохраняются, часто с учетом местной специфики, в устной и письменной традиции. Они свидетельствуют об общности судьбы локальных групп старообрядцев беспопцев. Кроме того, почитание как общеизвестных старообрядческих деятелей, так и местных наставников, живших в XIX – XX вв., упорядочивает религиозный опыт этих групп, служит нравственным ориентиром и является ментальным признаком самоидентификации.

В Заключении автор подводит основные итоги диссертационного исследования. Культурологический анализ развития духовных центров

новгородского староверия позволяет сделать выводы о степени интегрированности старообрядчества в социокультурную жизнь российского общества, особенностей его регионального развития, а также имеющегося общественного потенциала старообрядческой ментальности. В более широком плане, он предоставляет возможность проследить модель реакции замкнутой традиционной религиозной общности на вызовы секулярного мировоззрения в различных его формах, будь то подчинение религиозных институтов абсолютистской светской власти или же последовательное наступление идеологии индустриального или постиндустриального общества. В данном контексте перед исследователем российской религиозной ментальности определенный интерес может вызывать социологическое и культурологическое исследование современного состояния региональных центров старообрядчества, их взаимодействия с современными социальными институтами. Также достаточно важной в перспективе исследования является проблематика взаимодействия религиозной этики и хозяйствования на примере общин новгородского региона.

Основные положения диссертации отражены в публикациях автора:

1. *Мельников, И. А.* Человек и книга в системе культурных практик новгородского старообрядчества / И. А. Мельников // Вестник Новгородского государственного университета. Серия: Гуманитарные науки. – 2013. – №73. – Т.1. – С. 126 – 129, (0,4 п.л.);
2. *Мельников, И. А.* Письменная и устная религиозные традиции в пословицах новгородских старообрядцев / И. А. Мельников // Вестник Новгородского государственного университета. Серия: Филологические науки. – 2014. – №77. – С. 84 – 86, (0,3 п.л.);
3. *Мельников, И. А.* Социокультурные предпосылки русского церковного раскола XVII в. / И. А. Мельников // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. – 2014. – № 7. – С. 106–109, (0,5 п.л.).
4. *Мельников, И. А.* Деловая этика русских купцов-старообрядцев в контексте конфессиональных особенностей старообрядчества / И. А. Мельников // Берестень : философско-культурологический альманах. – № 1 (1). – Великий Новгород: б/и – 2008. – С. 363–367, (0,3 п.л.);
5. *Мельников, И. А.* Старообрядческая деловая этика XVIII – XIX вв.: «древнее благочестие» и новации (по материалам исповедальных вопросов) / И. А. Мельников // Берестень : философско-культурологический альманах. – № 1 (3). – Великий Новгород: б/и – 2009. – С. 350–355, (0,3 п.л.);
6. *Мельников, И. А.* Старообрядческая деловая этика XVII - XIX вв: преемство дораскольного благочестия (По материалам исповедальных вопросов) /

- И. А. Мельников // Новгородское староверие. Сборник научных материалов. – В. Новгород – Москва: Археодоксія, 2009. – С. 179–190, (0,7 п.л.);
7. Мельников, И. А. Христианские этические нормы в русском народном изобразительном творчестве 18 – 19 вв. / И. А. Мельников // Человек и Вселенная. – 2009. – №1 (69). – С. 200–206, (0,4 п.л.);
8. Мельников, И. А. Духовные стихи староверов новгородчины: традиции и современность / И. А. Мельников // Старообрядчество: История. Культура. Современность :Материалы IX Международной научной конференции "Старообрядчество: история, культура, современность". – Великий Новгород: Центр истории и культуры старообрядчества им. Боярыни Морозовой, 2010. – С. 245–255, (0,6 п.л.);
9. Мельников, И. А. Государство и община в жизни Новгородского староверия: динамика взаимоотношений в XVII – XX вв. / И. А. Мельников // Материалы докладов аспирантов, соискателей, студентов. XVIII научная конференция преподавателей, аспирантов и студентов НовГУ 28 марта – 2 апреля 2010 года. – Великий Новгород: НовГУ им. Ярослава Мудрого, 2011. – С. 53–55, (0,1 п.л.);
10. Мельников, И. А. Культура межконфессиональной полемики в новгородском старообрядчестве XVII – XX вв. / И. А. Мельников // Культурное обозрение. Информационно-аналитический сборник. – №3. – Великий Новгород: Комитет культуры Новгородской области, 2011. – С. 147–156, (0,9 п.л.);
11. Мельников, И. А. Духовные стихи староверов Новгородской области / И. А. Мельников // «Ой вы, братья мои, сестры...». Духовные стихи староверов Новгородской области / сост., вст. статья И. А. Мельникова. – М. – Великий Новгород: Археодоксія, 2011. – С. 3–20, (1,0 п.л.);
12. Мельников, И. А. Культура межконфессиональной полемики в новгородском старообрядчестве в XIX – XX вв. / И. А. Мельников // «А мне глаголати неленостно...» Раскол и старообрядчество в современной рефлексии. Сборник научных трудов. – Кострома: Костромской государственный университет им. Н. А. Некрасова, 2012. – С. 186–191, (0,4 п.л.);
13. Мельников, И. А. Человек и книга в культуре новгородского старообрядчества в XIX – XX вв. / И. А. Мельников // Материалы докладов аспирантов, соискателей, студентов. XIX научная конференция преподавателей, аспирантов и студентов НовГУ 2 – 7 апреля 2012 года. Ч.1. – Великий Новгород: Новгородский государственный университет им. Ярослава Мудрого, 2012. – С. 3–5, (0,1 п.л.);
14. Мельников, И. А. Старообрядческий контекст в экспозициях Новгородских музеев / И. А. Мельников // Культурное обозрение. Информационно-аналитический сборник. – №4. – Великий Новгород: Комитет культуры Новгородской области, 2012. – С. 90–95, (0,5 п.л.);
15. Мельников, И. А. Крестецкие старообрядческие общины и староверие северо-восточного Приильменя в XIX – первой половине XX в. Духовные и культурные связи в контексте истории Новгородской земли / И. А. Мельни-

ков // Историко-культурный ландшафт Северо-Запада-2. Пятые Шёгреновские чтения. Сборник статей. – СПб: Европейский Дом, 2012. – С. 216–224, (0,5 п.л.);

16. *Мельников, И. А.* Рукописно-книжная традиция в системе культурных практик новгородского старообрядчества / И. А. Мельников // Материалы докладов аспирантов, соискателей, студентов. XIX научная конференция преподавателей, аспирантов и студентов НовГУ 15 – 20 апреля 2013 года. – Великий Новгород: Новгородский государственный университет им. Ярослава Мудрого, 2013. – С. 3–5, (0,1 п.л.);

17. *Мельников, И. А.* Правовое сознание в культуре новгородского старообрядчества в XIX – XX веках / И. А. Мельников // Новгородика-2012. У истоков Российской государственности. Материалы IV международной научной конференции. Ч. 2. – Великий Новгород: Новгородский государственный университет им. Ярослава Мудрого, 2012. – С. 66–78, (0,7 п.л.);

18. *Мельников, И. А.* Учебно-научный музей традиционной культуры НовГУ им. Ярослава Мудрого в профессиональной подготовке студентов-культурологов / И. А. Мельников // Культурное обозрение. Информационно-аналитический сборник. – №5. – Великий Новгород: Новгородский государственный университет им. Ярослава Мудрого, 2013. – С. 51–54, (0,1 п.л.);

19. *Мельников, И. А.* Краткий очерк истории Новгородской Поморской старообрядческой общины / И. А. Мельников // Сказание о храме Рождества Богородицы на Молотковке улице в Великом Новгороде / сост. И. А. Мельников. – Великий Новгород: Археодоксія, 2014. – С. 15–21, (0,4 п.л.);

20. *Мельников, И. А.* Военные поселения и "раскольники": конфессиональный аспект краха одного имперского проекта первой пол. XIX в. / И. А. Мельников // Бренное и вечное: имперский синдром: идеология, мифология и социокультурная практика: Материалы Всерос. науч. конф. 3-4 декабря 2013 г. – Великий Новгород: Новгородский государственный университет им. Ярослава Мудрого, 2014. – С. 222–229, (0,5 п.л.).